

Размышления над книгой

Ю. В. ЧАЙКОВСКИЙ

КНЯЗЬ КРОПОТКИН — РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ *

Всю жизнь мне хотелось прочесть о Петре Алексеевиче Кропоткине. Началось это с марта 1957 г., когда станцию московского метро «Дворец Советов», которая нравилась мне больше других, переименовали в «Кропоткинскую». Я тогда кончал школу, жил недалеко от Бакунинской улицы и был удивлен, почему увековечили память двух анархистов, хотя в книгах и в кино анархистов только высмеивали.

Другой мой интерес к Кропоткину шел из географии. В школе нас учили, что Русская равнина не раз покрывалась ледником, ползшим со Скандинавских гор. Меня удивляло, как это ледник мог уползти на тысячи километров по неровной поверхности, но учительница успокоила меня, сказав, что горы тогда были гораздо выше нынешних. Много позже я узнал, что оледенение Восточной Сибири впервые описано Кропоткиным. Там те же следы ледника, что и в Европе, они ясно говорят, что ледники долго ползли, а тех гор и той равнины, что в Европе, не видно. Что думал обо всем этом Кропоткин? Как представлял себе движение ледника?

Третий мой интерес был из биологической эволюции: Кропоткин издал книгу «Взаимная помощь как фактор эволюции», где проводил параллели животных с человеческим обществом. А как же растения? Либо они должны эволюционировать принципиально иначе, либо «взаимопомощь» — нечто, не обусловленное психикой.

И, наконец, главное — сам анархизм. Очевидно, что Кропоткин был умен и образован, так как же он мог поверить, что те люди, каких он видел вокруг, смогут жить, не грабя друг друга, не топчя культуру и снабжая себя всем необходимым, если не будет организующего их аппарата, государства? И почему большевики, эти крайние государственники, его чтили?

В 1972 г. вышла небольшая хорошая книга Н. М. Пирумовой¹, я с удовольствием прочел ее, но в те времена было бы наивно ожидать ответа на большинство моих вопросов. И вот теперь появилась обстоятельная книга географа и историка науки Вячеслава Алексеевича Маркина². Ее заглавие дает основание искать в ней ответы на вопросы, дотоле безответные.

1. Построение книги

Выстроить книгу о столь разностороннем человеке отнюдь не просто. Вопреки традиции, начну с ее недостатков, поскольку это нужно для дальнейшего и чтобы не возвращаться к ним впредь. Если не касаться целого ряда фактических ошибок (вроде: «Когда ночевали в Малоярославце, Пулэн³ всегда водил детей

* Маркин В. А. Неизвестный Кропоткин. М.: Олма-Пресс, 2002.

¹ Пирумова Н. М. Петр Алексеевич Кропоткин. М.: Наука, 1972.

² Маркин. Неизвестный Кропоткин...

³ Воспитатель Кропоткина.

на историческое Бородинское поле» или: «геолог Карл Бэр»⁴), досадных, но не влияющих на суть книги, то крупный недостаток виден мне в ней всего один: невнимание к прежней литературе о Кропоткине и, прежде всего, к упомянутой книге Пирумовой. Психологически вполне можно понять Маркина, когда он подробно излагает то, чего у Пирумовой нет, и лишь мельком касается того, что у Пирумовой рассказано подробно, но ведь читатель всего этого не знает, а книга Пирумовой даже не названа. Тут нет никакого небрежения именно к ней (Маркин не назвал даже изданный при его собственном участии сборник трудов Кропоткина⁵), но факт остается фактом: для понимания книги Маркина надо иметь под рукой книгу Пирумовой. Примеров множество, но я ограничусь тремя.

Первый. Молодой Кропоткин путешествует по Сибири, знакомится с ее природой и формируется как натуралист. Это у Маркина описано прекрасно. Но ведь заодно юный князь погружался в жизнь российской окраины и ужасался тем условиям, в каких жили люди «эпохи великих реформ»; это, как известно, вскоре увело его в стан революционеров, но у Маркина почти опущено. Создается впечатление, что у Кропоткина вызвал протест лишь произвол сибирской бюрократии, тогда как у Пирумовой находим яркие цитаты из тогдашних писем Кропоткина, где тот возмущается самой сутью капиталистических отношений и впервые проникается симпатией к идеям социализма. (К идеям анархизма он пришел позже.)

Второй. Вернувшись в Петербург, Кропоткин входит в состав «чайковцев» — группы интеллигентов, мечтавших о справедливом переустройстве России. Их начинают преследовать, но первых арестованных (11.11.1873) вскоре же отпускают: нет состава преступления. Маркин пишет, что «никаких компрометирующих материалов... не было. Но во второй половине ноября 1873 г. уже была написана для кружка программная "Записка" Петра Кропоткина»⁶. Мысль Маркина очевидна: именно этот документ обратил сеть безобидных кружков в опасную для властей организацию, причем в самый неудачный для дела момент (аресты тут же стали повальными, и многие арестанты, ничего не сделавшие против власти, заживо сгнили в сырых казематах, сошли с ума или повесились, так и не дождавшись суда). Хочется узнать, что за страшные слова содержала «Записка», но у Маркина ей отведено лишь несколько туманных фраз, да еще приведена вполне благожелательная выдержка из преамбулы к «Записке».

Краткий анализ этого обширного (60 книжных страниц) документа находим у Пирумовой. Слова в «Записке» действительно были страшные. В частности, проповедовался самый свирепый казарменный коммунизм, с ликвидацией значительной части культуры: «Все университеты, академии... следует закрыть и "открыть повсеместно школу-мастерскую..."»⁷. Конечно, для дальнейшей деятельности Кропоткина эти взгляды вовсе не характерны, но не зная их, нельзя понять, что же привело его в тюрьму и за что его сочли опаснейшим преступником.

Третий. В марте 1874 г. Петр Кропоткин попал в каземат Петропавловской крепости. Его брат Александр, живший за границей, примчался его выручать, за что сам поплатился свободой. Едва не умерев в заключении, Петр через два

⁴ Маркин. Неизвестный Кропоткин. С. 16–17, 121.

⁵ Кропоткин П. А. Естественные-научные труды. М.: Наука, 1998 (Научное наследство. Т. 25).

⁶ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 169.

⁷ Пирумова. Петр Алексеевич Кропоткин... С. 71.

года сумел бежать ⁸ и 40 лет жил в эмиграции, где вскоре стал знаменит и женился. Маркин пишет: «Лето 1886 года принесло Кропоткиным страшное известие — брат Александр застрелился в Томске... Получив разрешение вернуться из ссылки в Центральную Россию, он отправил семью и обещал поехать следом. Петр звал его к себе, но Александр не верил, что ему разрешат выехать за границу» ⁹.

Странно это, да и никаких подтверждений текстами тут нет. Зато у Пирумовой они есть, и картина, увы, проясняется. Петр вовсе не звал брата. Наоборот, призывал его искать место в России и только при полной неудаче соглашался принять его, но — одного, без жены и детей. «Александр Алексеевич впервые испытал сомнение в готовности брата сделать для него все возможное. Его психика, надломленная годами ссылки, не выдержала...» ¹⁰. Только теперь Петр стал звать вдову и детей к себе в Англию.

Словом, обе книги надо читать вместе. Построены они по одному, хронологическому, плану — от рождения героя (1842) до его смерти (1921), без выделения направлений его деятельности. Кроме того, у Маркина есть еще и заключительный параграф, не касающийся, к сожалению, ни ледников, ни эволюции. Отсутствие указателей сильно затрудняет пользование книгами, особенно для тех, кого занимают только некоторые аспекты необъятных интересов героя. У Пирумовой есть краткий список литературы, но у Маркина и его нет, зато есть ряд биографических справок о некоторых персонажах, почему-то названный указателем. Оглавление у Маркина подробно, но это мало помогает. Например, есть два коротких параграфа о ледниках, но при этом половина материала по ледникам находится в других местах.

Так что читать приходится подряд, отмечая темы, а затем перечитывать отмеченные места на одну тему снова, чтобы понять, что думал Кропоткин о том или ином предмете. При этом обнаруживается масса интересного, о чем и пойдет речь. Маркина более всего занимают общегеографические и этические работы его героя, а мой интерес, обозначенный выше, иной. Так что не берусь дать рецензию, а просто изложу кое-какие мысли, возникшие при чтении книги.

2. Оледенение

Ледник — странное явление природы, в каком-то смысле полуживое, и недаром гляциологи делят ледники на активные и мертвые. Живой ледник постоянно растет и движется: сверху намерзает, а с краев расползается. В учебниках по старинке пишут, что на Русскую платформу ледники ползли со Скандинавских гор, но по законам физики никакой ледник не сползет с горы дальше, чем на несколько километров. Здесь смешаны совсем разные явления — ледники горные (с заметно ползущими под уклон выводными языками) и ледники покровные, занимающие подчас целые материи.

В Европе покровные ледники прошлого достигали Днепра и Дона. При этом они двигались удивительно быстро — больше сантиметра в час, что и позволяло им покрывать за десяток тысяч лет тысячи километров. Это куда быстрее,

⁸ Здесь Маркин (в отличие от самого Кропоткина) обратил внимание на моральную сторону дела: кроме стражников, упустивших быстрого князя, военному суду был предан и ни в чем не повинный смотритель госпиталя (т. е. врач), из которого был совершен побег; он, как и многие революционеры, умер в тюрьме в ожидании суда.

⁹ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 242.

¹⁰ Пирумова. Петр Алексеевич Кропоткин... С. 155.

чем ползут выводные ледники (языки) под гораздо большим уклоном. Сейчас мы знаем, что ледники надвигались на Европу не только из Скандинавии, но и с Новой Земли, и даже с Земли Франца-Иосифа.

Если говорить, что такой ледник действительно полз, то это движение должно было быть вполне заметно глазом. При этом ледник буквально выметал содержимое попутных впадин (и даже морей), как бы не замечая, что из них приходится выползть вверх по склону. Как же это возможно? На мои недоумения знакомый географ ответил беспечно: «Ледник ползет под уклон, это всем известно». Оказалось не совсем так.

В книге канадского геофизика У. Патерсона читаем: ледник возникает всюду, где за год выпадает снега больше, чем тает, а разрастается всегда, когда климат холодает. Главная составляющая его роста — не перемещение, а намерзание. Слежавшийся снег перекристаллизуется в лед, а затем служит хранилищем холода, мешающим в следующие годы таять свежевывавшему снегу. Процесс сам себя поддерживает и распространяет.

Патерсон разъяснял: поликристаллический массив льда похож на металл вблизи точки плавления, когда тот можно ковать. Если его толщина измеряется километрами (т. е. давление у ложа — сотнями атмосфер), он расплзается под собственной тяжестью, причем нижние слои ползут быстрее верхних, и ползут тем быстрее, чем они ближе к внешнему краю ледника. Вот примерный расчет по формулам физики вязкого течения: ледовый диск радиусом в 1 тыс. км, высотой в 4700 м у центра и нарастающий ежегодно на 15 см льда (а не снега), ползет у внешнего края по горизонтали на 135 м в год¹¹.

Европейские ледники прошлого имели толщину у центра порядка 3 км. Этот центр мог возникать как среди гор, так и на любой возвышенности (например, на Тимане), где среднегодовая температура падала ниже нуля.

Очевидно, что невысокий передний фронт ледника должен сметать на своем пути мелкие препятствия вроде отдельных камней («эффект бульдозера»), а более крупные, вроде холмов, обтесать. Менее заметно, но тоже несомненно, что ледник ползет всем своим дном (кроме самой серединки) и тем самым заставляет катиться попавшиеся камни, и они превращаются в округлые валуны. То тут, то там образуется их скопление — морена.

Интересно, что из всего этого мы знаем от Кропоткина?

Очень многое. Он убедил ученых, что исчерченность рельефа параллельными бороздами, а также знаменитые «бараньи лбы» (гладкие каменные холмы) и многое другое — итог движения древних ледников. Загадочные гряды галечника (озы) он аттестовал как русла прежних рек, текших по растаявшим позже ледовым лолам. Бесчисленные озера Скандинавии, Финляндии и Карелии он приписал водам прежнего ледника, которые со временем исчезают. Он же указал и причины, по которым следы движения ледника могут быть скрыты или даже уничтожены.

До него о ледниках писали многие, однако он был первым, кто сказал, что ледники могли распространяться на Русскую платформу не только со Скандинавских гор, но и с островов Ледовитого океана; что плоскогорья Сибири содержат такие же следы ледников, как и Европа (где их знали до Кропоткина). И отсутствие общего уклона не отвратило его от идеи сибирского оледенения. Ему же принадлежит призыв «покинуть, наконец, Альпы и перенестись к по-

¹¹ Патерсон У. Физика ледников. М.: Мир, 1972. С. 191.

дошве сплошных ледяных покровов»¹² (иными словами, выйти за рамки сравнения покровных ледников с горными). И много других наблюдений и мыслей.

В частности, подчас Кропоткин близко подходил к нашей нынешней теории ледников: отметил возможность их движения поперек долины, их расползание под собственным давлением, недостаточность скорости их движения под уклон¹³.

Однако различия механизмов движения горного и покровного ледников он не знал. Самое, пожалуй, четкое описание механизма движения он дал через 8 лет после публикации своей знаменитой книги «Исследование о ледниковом периоде»: «Движение ледников не только обнаруживает во всех своих особенностях сходство с течением рек, но и воспроизводит все характерные черты последнего»; «ледник течет, как река, потому что его мельчайшие частицы движутся [...] подчиняясь — в массе и каждая частица в отдельности — законам течения твердых тел»¹⁴.

К цитированной фразе Маркин дал вполне верное (хотя и слишком лаконичное) пояснение: «Согласно современным представлениям, движение ледников складывается из сочетания вязкопластических деформаций, зависящих от температуры и вызываемых давлением вышележащего льда, и скольжения льда по своему ложу и по внутренним разрывам»¹⁵.

Точнее и, по-моему, понятнее будет сказать так: на самом деле покровный ледник течет вовсе не как река (у которой скорость определяется уклоном ложа, причем вблизи дна минимальна), а совсем иначе: скорость определяется не уклоном ложа, а толщиной слоя льда, и вблизи дна максимальна (кстати, она велика и для горного ледника). Направление тока покровного ледника задается вовсе не уклоном, а направлением от неподвижной мощной средней части к ближайшей тонкой окраине.

Осмелюсь предположить, что именно отсутствие ясного понимания механизма движения покровного ледника и ошибочное сравнение его с горным ледником (действительно напоминающим реку) явились причинами долгого неприятия научным сообществом всей идеи древних покровных оледенений. Но эти причины не были главными — ведь всеобщее признание пришло к теории оледенений независимо от уяснения массой ученых механизма движения. Оно попросту пришло тогда, когда научное сообщество созрело для этого. Примерно то же мы видим в учении об эволюции организмов, где общественное признание (или, наоборот, отвержение) доктрин мало зависит от фактов, которыми их подтверждают авторы.

3. «Поправка к Дарвину»

Так в книге Маркина именуется эволюционная концепция Кропоткина, и формулировка вполне справедлива: будучи далек от биологии, Кропоткин не выдвигал собственной теории, а лишь дополнял Дарвина. По Кропоткину, конкуренция не играет той основополагающей роли в эволюции, которую ей приписал Дарвин в «Происхождении видов»; наоборот, позже, в книге «Происхождение человека», Дарвин уже «предупреждал, однако, своих последователей от

¹² Кропоткин. Естественно-научные труды... С. 136.

¹³ Кропоткин. Естественно-научные труды... С. 90, 136, 169.

¹⁴ Кропоткин. Естественно-научные труды... С. 181.

¹⁵ Кропоткин. Естественно-научные труды... С. 251.

ошибки (в которую, по-видимому, он сам, было, впал одно время) — от слишком узкого понимания этих слов»¹⁶, т. е. термина «борьба за существование». Сам же Кропоткин полагал, что эту борьбу вовсе не следует сводить к конкуренции; что, например, в условиях Сибири борьба между индивидами одного вида вообще не играет заметной роли ввиду редкости животного населения¹⁷.

В «Происхождении человека» Дарвин «написал даже несколько прекрасных сильных страниц, чтобы выяснить истинный широкий смысл этой борьбы. Он показал здесь, как в бесчисленных животных сообществах борьба за существование между отдельными членами этих сообществ совершенно исчезает и как, вместо борьбы, является содействие (кооперация), ведущее к такому развитию умственных способностей и нравственных качеств, которые обеспечивают данному виду наилучшие шансы жизни и распространения»¹⁸.

Эти «прекрасные сильные страницы» стоит отыскать и прочесть, дабы составить себе представление о мировоззрении Кропоткина. Они находятся в начале главы «О развитии умственных и нравственных способностей...» и не содержат конкретного материала. Они — не итог исследований, а манифест, призывавший к исследованиям. Это, кстати, признал сам Дарвин: «...Было бы очень важно проследить развитие каждой способности в отдельности, начиная от состояния, в котором она находится у низших животных и кончая состоянием ее у человека; но у меня недостает ни умения, ни знания, чтобы взяться за это»¹⁹.

В каком-то смысле Кропоткин взялся заполнить указанный пробел: в его книге «Взаимная помощь как фактор эволюции» собрана масса примеров кооперации у животных. К сожалению, современники не воспользовались его трудами, что в истории науки вполне обычно: приверженцы учения никогда не испытывают потребности в поисках его обоснования, поскольку оно им и без того очевидно. Что касается противников, то они ищут опровержений. Кропоткин не был востребован.

Нам, однако, важно усвоить ход его биологической мысли, чтобы понять роль биологии в его социальном учении. Приведя массу примеров сотрудничества, он не дал (как и Дарвин) никакого механизма его эволюции; по всей видимости, в отношении высших животных его вполне удовлетворило замечание Дарвина: «...Привычки, существовавшие в течение многих поколений, вероятно, склонны передаваться по наследству»²⁰. Это, как известно, тезис, общий Ламарку и Дарвину.

Что касается растений и низших животных, то Кропоткин шел, вероятно, прямо за Ламарком, видевшим у них только изменение вслед за изменением среды обитания. В 1910 г. он сообщал в письме: «Самое главное теперь для теории эволюции — это дать факты для животных подобно тем, которые я дал для растений, изменчивости под влиянием среды»²¹.

В этом невнимании к эволюционной роли собственной активности организмов, не имеющих головного мозга, мне видится коренной недостаток эволюци-

¹⁶ Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб., 1907. (Перевод с англ. изд. 1902 г.) С. 13.

¹⁷ См.: Кропоткин. Взаимная помощь... С. 3–4.

¹⁸ Кропоткин. Взаимная помощь... С. 13.

¹⁹ Дарвин Ч. Сочинения: В 9 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 5. С. 241.

²⁰ Дарвин. Сочинения... С. 243.

²¹ Пирумова. Петр Алексеевич Кропоткин... С. 125.

онного учения Ламарка²² и шедшего за ним в этом Кропоткина. Впрочем, вторую, он особого учения не строил.

В заметке «Этический урок природы» (1905) Кропоткин писал: «Дарвин, который знал природу, осмелился дерзко заявить, что из двух инстинктов — общественного и индивидуалистического — первый, который сильнее, более устойчив и более постоянен. И он был прав»²³. Конечно, это вольная трактовка учения Дарвина (которое в действительности построено на втором инстинкте, а первый привлечен только для объяснения того, что не удавалось объяснить вторым), но зато несомненна позиция автора, видевшего себя подле Дарвина. Тем важнее, что в своих социальных построениях Кропоткин оказался антиподом социал-дарвинизма.

4. Дух и материя

Свое мировоззрение Кропоткин называл механическим²⁴ и в этом шел в ногу с эпохой. Напомню, что предыдущее поколение натуралистов стояло на совсем иной позиции. Так, крупнейший зоолог Карл Бэр заявлял в докладе 1834 г.: «Вначале, сражаясь с окружающей природой за свое существование, он (человек. — Ю. Ч.) научается защищаться против физических влияний... его душевные задатки научают его господствовать над мертвыми массами», и он «делает стихии своими рабами»; затем он начинает «превращать все живое в своих рабов» и, наконец, с появлением книгопечатания, «собирает все духовное достояние в единое целое. Таким образом... вся история природы является только историей идущей вперед победы духа над материей»²⁵. Данную «победу» Бэр был склонен считать «всеобщим законом природы».

Этот доклад Бэра был с минимальной правкой перепечатан в 1864 г. в очень хорошо известном тогда сборнике речей Бэра²⁶. Молодой Кропоткин вполне усвоил понимание истории человечества как «борьбы с природой» и на полях своей «Записки» отметил: «Под идеалом мы разумеем такой строй общества, прогресс которого основан не на борьбе людей с людьми, а людей — с природой»²⁷. (Нас коробит тезис «борьба с природой», но Маркин справедливо замечает, что в то время он звучал не антропоцентрически, а гуманистически, и не носил антиэкологического смысла.) Но вот насчет «победы духа над материей» Кропоткин полагал иначе — главную черту эволюции он видел в победе сотрудничества над враждой.

Не исключено, что 30 лет спустя Кропоткин спорил именно с этой установкой Бэра, когда писал, что «основатели этических школ» видели в появлении человеческой морали «победу духовного над природой», тогда как для самого Кропоткина ее основы ясно видны у высших животных, так что для самопожертвования «тысячам видам животных не требуется ничего, кроме естественной симпатии к своим сородичам [...] и постоянной привычки к взаимной помощи»²⁸. Именно из данной установки Кропоткин выводил свое социальное учение: коротко и об-

²² Об этом подробнее см.: Чайковский Ю. В. Ламаркизм умер — да здравствует ламаркизм // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 3. С. 430–447.

²³ Кропоткин. Естественно-научные труды... С. 199.

²⁴ Пирумова. Петр Алексеевич Кропоткин... С. 114.

²⁵ Бэр К. Э. Избранные работы. Л.: Госиздат, 1924. С. 119–120.

²⁶ Baer K. E. Reden und kleine Aufsätze. Bd 1. St. Petersburg, 1864.

²⁷ Маркин. Незнакомый Кропоткин... С. 170.

²⁸ Кропоткин. Естественно-научные труды... С. 199.

разно говоря, «дух» пребывает в животных изначально и выражается в их социальности; людям надо лишь узреть его и сознательно использовать.

Итак, если для старой школы (выразителями которой были Бэр и его круг) мораль специфична для человека, то для новой школы (дарвинисты и Кропоткин) мораль была следствием эволюции человека от животного предка. Таков был частный итог «механического» видения мира, только дарвинисты упирали на вражду, а Кропоткин — на сотрудничество.

Теперь можно понять и источник различия ученых в понимании роли государства: если для Бэра «правительство должно быть не чем иным, как воспитателем человечества для его окончательного определения»²⁹, то для Кропоткина всякое правительство есть социальное зло, поскольку мешает самоорганизации людей. По Маркину, «Кропоткин увидел мощную творческую, созидательную силу — самоорганизацию в обществе, рождаемую именно многообразием интересов»³⁰. Причем вне зависимости от того, примем мы эту позицию Кропоткина или нет, надо признать, что он ее увидел и занял не столько как социолог, сколько как натуралист. Отсюда был естественным его путь к анархизму.

Кропоткин писал, что «анархизм — нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества. Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества... Я видел, что анархизм должен быть построен теми же методами, какие применяются в естественных науках»³¹. Как же он это делал?

5. Социальная эволюция, или Новая жизнь — для новых людей

Современники называли Кропоткина революционером, и он сам делал то же³², но его идеалом была социальная эволюция. Другое дело, видел ли он реальную возможность постепенного развития общества. Нет, по его наблюдениям, общество движется именно к революции, которой вряд ли удастся избежать. Зато уже в молодости Кропоткин пришел к уверенности, что подлинно новый строй нельзя создать через восстание, что его надо выпестовать путем воспитания людей. Воспитание он видел прежде всего в просвещении. Это подробно рассказано у Маркина.

Принцип анархизма (отрицания необходимости государства, возглавляемого правительством) Кропоткин (как до него и Бакунин) рассматривал в виде составной части социализма. Маркин пишет: «И сторонники Бакунина, и марксисты считали, что без жертв никак не обойтись, они неизбежны в революции, а ее успех окупает все жертвы. У Кропоткина появился свой взгляд на эту проблему: при подготовке революции надо достичь такого состояния в обществе, когда новые идеалы... глубоко проникнут в сознание людей того самого класса, экономические и политические привилегии которого предстоит разрушить»³³. И далее: «Среди множества революционеров [...] Кропоткин занимал совершенно особое место. Может быть, главное, что отличало его, это внимание к нравственности, и именно в связи с революцией. Когда зреет революция, происходит

²⁹ Бэр К. Э. Избранные работы... С. 122.

³⁰ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 6–7.

³¹ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 230; Кропоткин П. А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. С. 382–383.

³² Кропоткин. Записки революционера...

³³ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 161–162.

изменение нравственных критериев. Возникает стремление к их обновлению, очищению. И во всех классах общества, даже в каждой семье, сталкиваются старые и новые представления... Эта концепция революции существенно отличалась от марксистской, объяснявшей неизбежность революционного переворота необходимостью смены способа материального производства и исходившей из абсолютной непримиримости классовых противоречий»³⁴.

Идея анархии была введена в социалистическое движение Юрской федерацией, первоначально входившей в состав Интернационала, которым руководили Маркс и Энгельс. Название она получила от Юрских гор в Швейцарии. Среди ее руководителей был Бакунин, умерший в Берне тогда, когда Кропоткин в Петербурге готовился к побегу из военного госпиталя. В 1877 г., поселившись в Швейцарии, Кропоткин и стал анархистом всерьез.

Кропоткин писал: «Юрская федерация выполнила работу, которая не умрет... Среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою... Это общество будет состоять из множества союзов», т. е. «из промышленных федераций для всякого рода производства... и из потребительских общин». Далее Кропоткин разъяснял: «Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою. Так уже работают теперь сообща железнодорожные компании или же почтовые учреждения различных стран, не имея центрального... департамента». При этом «во всех случаях, которые правительство теперь считает подлежащими своей власти, его заменит вполне свободное соглашение и союзный договор; случаи же столкновений неизбежно уменьшатся, а те, которые будут возникать, могут разрешаться третейским судом»³⁵.

Аналогия довольно шаткая: каждую дорожную или почтовую службу побуждает к международной деятельности государство, обязуя своих чиновников взаимодействовать с иностранными, а кто будет направлять работу федераций, когда государства не будет? Что можно предложить, кроме третейского суда, который вообще дееспособен исключительно в рамках свободного соглашения сторон? Любой отказ от соглашения может парализовать всю работу, и что тут делать, не сказано.

Зато есть любопытный пассаж: вспоминая печальный опыт Парижской Коммуны (1871), Кропоткин писал: «...Так как рабочие не имели определенных взглядов на социальные реформы, то они и не могли внушить их своим представителям, и потому правительство Коммуны ничего не сделало в этом направлении... И думая об этом, мы понимали, что ради самого успеха социализма обязательно следует проповедовать идеи безначалия, самостоятельности и личной инициативы — одним словом, идеи анархизма...»³⁶.

А если бы правительства у Коммуны не было? Откуда взялись бы «взгляды на социальные реформы» и, тем более, их осуществление? Налицо обычный дискуссионный прием: неуспех оппонента рассматривается как доказательство собственной правоты. Досадно, что это — у Кропоткина.

И все же самое, на мой взгляд, загадочное в анархизме — уверенность в способности людей жить без органов власти — при чтении книги Маркина несколько проясняется: так могут жить не наши (или Кропоткина) современники,

³⁴ Маркин. Незвестный Кропоткин... С. 214.

³⁵ Маркин. Незвестный Кропоткин... С. 227–229; Кропоткин. Записки революционера... С. 378–379.

³⁶ Кропоткин. Записки революционера... С. 380–381.

а некие новые люди, которых анархизм надеялся вырастить. Этот его взгляд как раз был очень похож на марксизм, а оба вместе — на рассуждения времен нашей «перестройки»: дескать, всё станет прекрасно, если отменить существующую власть.

Как же вырастить новых людей? По Кропоткину, «вполне доказано опытом, что, применяя к воспитанию детей методы, уже введенные там и сям, можно легко достичь того, что дети средних способностей получают к 14–15 годам общее, хорошее понимание природы и человеческих обществ, освоятся с хорошими приемами технической и научной работы, и сердца их глубоко проникнутся чувством справедливости и всеобщей солидарности»³⁷. Увы, на предыдущих страницах автор лишь дал примеры удачного сочетания обучения наукам и ремёслам, но не показал никакого воспитания в учениках «чувства справедливости». Наоборот, признал, что даже лучшее училище (Московское техническое) «вовсе не занималось гуманитарным развитием молодежи»³⁸.

Зато Кропоткин верно подметил ту черту развития науки, о которой мы говорили выше: ключевые идеи долго остаются невостребованными. Так, идея эволюции живого разрабатывалась давно, но обратила на себя внимание общества только при Дарвине, причем «внимание ученых к идеям Дарвина было привлечено вовсе не людьми профессиональной науки»³⁹. Объяснение Кропоткин видел в том же разобщении науки и практики, а также в малочисленности самих ученых. Вряд ли это верно, но не будем забывать, что науковедения тогда практически еще не существовало, и приведенные мысли Кропоткина были едва ли не первыми в данной области.

6. Российская Федеративная

Меня долгое время удивляло, почему в именах московских улиц увековечены анархисты — в отличие от социалистов-небольшевиков (исключение составляли меньшевик-теоретик Плеханов, эсер-террорист Каляев и такие ранние социалисты, как Герцен, Петрашевский и Чернышевский⁴⁰). Ведь социалисты куда как ближе программами к большевикам, нежели анархисты. Но симпатии первых лет советской власти определялись отнюдь не программами.

Наше государство именуется «Российская Федерация», и уже мало кто помнит, что при возникновении в конце 1991 г. оно вовсе не было федерацией в привычном нам ныне смысле, т. е. не было государством, составленным из государств. Федерацией оно стало позже, когда все области постепенно получили статус субъектов федерации с выборными главами и законодательными собраниями. (В 1992 г. шли споры, надо ли его называть федерацией, и одно время даже применялось официальное наименование «Российская Федерация — Россия».)

³⁷ Кропоткин П. А. Поля, фабрики и мастерские. М., 1918. С. 218.

³⁸ Кропоткин. Поля, фабрики и мастерские... С. 199.

³⁹ Кропоткин. Поля, фабрики и мастерские... С. 209.

⁴⁰ Петрашевская улица (1922), прежде Гжельская слобода, продолжала с юга Вольный переулок, ныне поглощена застройкой. Другие названия легко найти по советским справочникам. Есть также улицы в честь бунтарей, далеких от социализма, начиная с Болотникова, ослепленного и утопленного в 1608 г., и кончая Халтуриным, повешенным в 1882 г. Такие наименования давались с 1917 г. (Сенатская площадь в Кремле была при Временном правительстве переименована в площадь Каляева) по примерно 1935 г. (улица Плеханова). Аналогичной была картина в Петрограде-Ленинграде.

Источник термина «федерация» — исторический: при советской власти Россия называлась Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР), хотя не была федерацией. Правда, в ее составе было много автономий, но главную ее часть составляли (как и ныне) области⁴¹, а автономии были и в составе других союзных республик СССР; главное же — термин «РСФСР» появился раньше появления в России первой автономии, т. е. не был связан с самой идеей автономии. Тогда с чем же?

В советских документах Россия как федерация впервые упоминается в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Она написана Лениным и сразу же, 3 (16) января 1918 г., принята Центральным исполнительным комитетом. Здесь Россия понималась как «федерация советских национальных республик»; термин никак не раскрыт.

Сперва Ленин записал «каждой из национальных», но потом зачеркнул слова «каждой из»⁴² — в самом деле, формирование республик для всех народов России было бы безнадежным делом. Вероятно, Ленин предполагал записать какую-то норму объединения всех национальных образований России, но это означало бы объединение не республик, а иных субъектов. Каких именно?

Не имея возможности излагать здесь всю проблему отношения партии большевиков к правам наций и к идее федерации, скажу только, что большевики в то время дружно отвергали идею федерации территориальных (в том числе и объявленных национальными) республик, предлагая строить государство по классовому, а не по национальному принципу; что там, где игнорировать национальные республики было невозможно, им в первые годы (до формирования СССР) предлагался статус автономий, а не субъектов федерации. Разница в том, что автономии дарует центральная власть, тогда как федерацию учреждают договаривающиеся стороны.

В ходе Гражданской войны лишь одна республика (Башкирия) вошла в состав РСФСР на основании договора с последней, но это было позже (1919) и потому к нашей теме не относится⁴³. Сама же РСФСР была обозначена так 19 июля 1918 г. в тексте первой советской Конституции, принятой Пятым съездом Советов (тем самым, на котором большевики, разгромив левых эсеров, стали единственной правящей партией). Существенно, что РСФСР конструировалась в ней как унитарное государство: хотя статья 11 позволяла национальным областям входить в РСФСР «на правах федерации», но статья 48 прямо запрещала областные правительства, а статьи 61 и 62 всем областям давали равно малые права. Что же при этом означали «права федерации»?

Тогдашние словари признавали за словом «федерация» три смысла: объединение государств, объединение людей (товарищество) и объединение обществ (товариществ), преследующих общую цель. Если первый смысл не проходит, попробуем применить второй. В этом смысле слово использовано выше в назва-

⁴¹ Состав РСФСР к началу «перестройки»: 16 автономных республик, 5 автономных областей, 10 автономных округов, 5 краев и 49 областей.

⁴² Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. С. 317.

⁴³ Это была так наз. Малая Башкирия (без Уфы; столицей был Стерлитамак). Договор заключен 20.03.1919 между ВЦИК РСФСР и Башкирским правительством (предс. Зака Валидов). Данное правительство образовано Башкирским курултаем (Оренбург, дек. 1917), его в 1918 г. признали местные правительства России (Комуч в Самаре, Директория в Уфе, Сибирское правительство в Томске), но его упразднил (январь 1919) сменивший их Колчак. В марте 1919 г. Башкирия была целиком занята войсками белых, и договор ставил целью привлечь башкир к борьбе против Колчака. Сразу после взятия красными Стерлитамака (29.05.1919) Валидов был сме-

нии «Юрская федерация» и в упомянутом высказывании Кропоткина про «промышленные федерации» (см. сноску 35). Как раз в этом смысле слово и было известно в России широким массам, известно благодаря анархистам, причем именно анархистам-кропоткинцам.

Анархисты не образовали никакой политической партии, однако были весьма заметной политической силой. Наиболее известны и влиятельны были два течения — анархистов-коммунистов и анархистов-федералистов, причем оба признавали Кропоткина своим вождем. Более того, он числился председателем московской Лиги федералистов, которая в декабре 1917 г. и выдвинула лозунг: «Российская федеративная демократическая республика». Его-то, как видим, и заимствовал Ленин, убрав ненавистную демократию.

Зачем ему понадобился кропоткинский термин, понять легко. Через два дня открывалось Учредительное собрание, которое надо было разогнать — иначе власть ускользала. Но какая вооруженная сила сгодится для этой грязной работы? Ведь большевики пришли к власти, обещая скорейший созыв Учредительного собрания (с которым Временное правительство медлило) и передачу ему полномочий, полученных от Второго съезда Советов. Поэтому основная часть сил, обеспечивших успех Октябрьского переворота, отпадала. Зато особую роль обретал Второй флотский экипаж на Крюковом канале⁴⁴, где бушевала матросская вольница, в основном — анархисты-коммунисты. Им, как безгосударственникам, судьба Собрания была безразлична; наоборот, без него их цель казалась им более достижимой.

Еще в апреле 1917 г. анархисты пытались взять власть (хотя ратовали за безвластие) в Кронштадте, а в мае даже выпустили бумажные деньги с надписью «Кронштадтская Федеративная Республика»⁴⁵. Легко представить, как обрадовались многие из них, узнав накануне открытия Собрания, что большевики провозгласили их идеал. Тем более, что перед этим большевики явственно поддерживали анархические стремления к захвату местными Советами всей полноты власти. Воззвание «К населению» от 5 ноября гласило: «Берите на местах всю власть в руки своих Советов» (текст Троцкого, подчеркнуто Лениным⁴⁶). После этого известный анархист Волин (вскоре — один из идейных вождей махновщины) писал: «Ленин прямо и окончательно заговорил языком анархиста»⁴⁷.

Насчет «окончательно» он явно ошибся, а вот Собрание анархисты в самом деле разогнали — сделал это отряд матросов Второго экипажа (а не красногвардейцев, как написано у Маркина), и командовал отрядом анархист-коммунист Железняков. Федерацию, столь нелюбимую Лениным⁴⁸, делать не пришлось, достаточно было произнести само слово.

щен с должности. «Большая Башкирия» (столица Уфа) образована 14.07.1922 постановлением ВЦИК РСФСР.

⁴⁴ Экипажи служили для формирования плавсостава; в основном они состояли из матросов и унтер-офицеров, еще не распределенных по судам. Второй экипаж играл в Октябре примерно ту же роль питательной среды для восстания, какую в Феврале играли петроградские запасные батальоны. Первый (гвардейский) экипаж располагался в Кронштадте и особой роли не сыграл.

⁴⁵ Флеровский И. П. Большевицкий Кронштадт в 1917 г. Л., 1957. С. 16.

⁴⁶ Красный архив. М.: Центархив РСФСР, 1924. Т. 5.

⁴⁷ Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма. М., 1974. С. 126.

⁴⁸ Впервые тогдашняя нелюбовь большевиков к федерации выразилась на государственном уровне в том, что Туркестанская Советская Федеративная Республика, объявившая себя авто-

7. Неисправимый оптимист

Помощью анархистов большевики пользовались в течение всей Гражданской войны (например, видный анархист Фурманов, один из организаторов советской власти в Иваново-Вознесенске, в июне 1918 г. стал коммунистом, а в 1919 г. был комиссаром у Чапаева), что не мешало им регулярно анархистов громить. Большевики очень нуждались в хотя бы внешней поддержке от какой-либо посторонней политической силы и получили ее от анархистов вообще и от Кропоткина в частности. Отказавшись поддержать красный террор, он, тем не менее, выступал с примирительными заявлениями вроде такого: с правительством большевиков «нельзя согласиться по многим вопросам», однако ему «принадлежит честь заявить и частично применить на практике принципы социализма»⁴⁹.

Кроме таких, в общем известных, фактов, как отказ Кропоткина от «кремлевского пайка» и его встреча с Лениным, у Маркина находим и менее известные сведения: например, с Лениным в мае 1918 г. встречался бывший грабитель Махно, когда еще только собирался возглавить анархическое воинство; позже он, оказывается, посылал Кропоткину (жившему в городе Дмитрове) продовольствие, от которого тот не отказывался.

Отношение Кропоткина к новой власти Маркин выразил так: «Разочарование наступило довольно быстро, но все же у него оставалась надежда на то, что сама жизнь заставит приступить к строительству общества подлинного народного»⁵⁰.

Могу лишь пояснить это словами самого Кропоткина, написанными в мае 1918 г. (т. е. уже после апрельского разгрома московских анархистов чекистами): «И вот теперь всем нам предстоит дружно взяться за дело общественной перестройки, чтобы выйти из отчаянного положения, в которое мы попали... Везде перед нами громаднейшая работа, чтобы помочь народу взяться за починку разрухи, внесенной немецким нашествием, и создать новую жизнь на началах свободы, равенства, братства и обобщенного, производительного труда»⁵¹.

Оптимизм его был изумителен.

номной республикой в составе России еще 30.04.1918 (Съезд Советов, Ташкент), ждала утверждения Москвы три года (до 11.04.1921), когда автономии оказались целиком подчиненными Москве, когда сама идея автономии потеряла федеративный смысл и слово «Федеративная» исчезло из названия Туркестанской республики.

⁴⁹ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 362.

⁵⁰ Маркин. Неизвестный Кропоткин... С. 373.

⁵¹ Кропоткин. Поля, фабрики и мастерские.... С. 4–5.

Альтшулер Н. С., Ларионов А. Л. Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века. История развития и научные достижения выпускников. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 150 с.

Выход этого научно-исторического исследования, предлагаемого вниманию читателя, приурочен к предстоящему 200-летию Казанского университета, основанного в 1804 г. Название труда отличается некоторой неопределенностью, поскольку его авторы не объясняют, что они понимают под «школой». Как сказал бы один знакомый рецензенту темпераментный экскурсовод: «И все что ни на есть в университете и вокруг университета, тоже называется “школа”», и, очевидно, авторы следуют этому же принципу. В реальности за этим заглавием стоят: 1) история кафедры физики (до 1932 г.); 2) история физического отделения физмата (1932–1941); 3) особо история геофизического направления; 4) студенческая и общественная жизнь физмата в те годы; и, наконец, 5) биографии выпускников физмата 1920–1940-х гг., создателей новых научных школ и направлений. Названные пять разделов и составили содержание пяти глав рецензируемой книги. В каждой главе немало интересных для социальной истории науки материалов, а в некоторых из них раскрываются и детали формирования научных направлений. Это прежде всего касается формирования направления исследований магнитного резонанса в Казани. В книге на высоком полиграфическом уровне воспроизводятся 37 фотографий и 21 иллюстрация (в том числе факсимиле некоторых документов). Многие документы (учебные планы, списки штатного состава кафедр и т. п.) воспроизводятся в виде перепечаток.

Список литературных и архивных ссылок включает 314 наименований.

В краткой рецензии было бы затруднительно излагать содержание каждой главы, но невольно хочется остановиться на некоторых персоналиях физмата и КГУ, упомянутых в книге.

Начнем с одного мимолетного, но важного персонажа. Сравнительно недолгим (1936–1937), но важным этапом в жизни физмата была работа на факультете М. Г. Матисона, ученого-эмигранта из Польши. Он был приглашен на работу в СССР по рекомендациям Ж. Адамара, П. Ланжевена и А. Эйнштейна и некоторое время был заведующим кафедрой теоретической физики. В рецензируемой книге указаны названия статей, опубликованных Матисоном в период работы в КГУ: «Механика материальных точек в общей теории относительности» и «Проблема движения в теории поля и электронные константы». Матисон взял в аспирантуру Ю. А. Лощилова и М. П. Чурсина, сотрудничал с преподавателем механики И. Щербаковым. В разгар репрессий в конце 1937 г. Матисон оказался в Париже, что спасло ему жизнь. Были арестованы его «покровители», помогавшие с переездом в Казань: атташе советского посольства в Париже Дивильковский, известный ученый Г. Лауэр, работавший в Госплане, начальник отдела учебных заведений Наркомпроса Х. Габидуллин и ректор КГУ Г. Камай. Позже арестовали аспиранта Лощилова. Чурсин и Щербаков вынуждены были срочно покинуть Казань, это помогло им избежать ареста.